Федяй Денис Сергеевич

МАСКИРОВКА И ДЕМАСКИРОВКА ТЕМЫ СМЕРТИ И УМИРАНИЯ СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА

В статье рассматриваются смерть и умирание с точки зрения языка, прежде всего, разговорного. Сделана попытка установить соответствие известных речевых схем, шаблонов, привычек различным поводам, в связи с которыми возникает необходимость что-то сказать о смерти. Утверждается, что всякая речь по поводу смерти и умирания обычно направлена либо на привлечение отдельного внимания к предмету высказывания, либо на отвлечение внимания. Соответствующие лексические единицы сгруппированы по целям и характеру их употребления. Показана инверсия словоупотребления, вызванная боязнью темы смерти, даны примеры языковых выражений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/48.html

Источник

<u>Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение.</u> Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. І. С. 200-203. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

<u>© Издательство "Грамота"</u>

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на adpec: voprosy hist@gramota.net

Список литературы

- **1. Андрушенко Е. Ю.** Мюзиклы Э. Ллойда-Уэббера конца 1960-1980-х годов: Сюжеты. Жанр. Стилистика: автореф. дисс. ... к. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 2007. 26 с.
- 2. Игнатьев Ф. И. Эндрю Ллойд Уэббер как феномен современной художественной культуры: автореф. дисс. ... к. искусствоведения. СПб., 2004. 25 с.
- **3. Леру Г.** Призрак Оперы / пер. с фр. Д. Мудролюбовой. М.: Азбука, 2011. 352 с.
- **4. Сахарова А. В.** Музыкальный театр Эндрю Ллойд Уэббера: жанрово-стилевые модели массовой и академической музыки: автореф. дисс. ... к. искусствоведения. М., 2008. 25 с.
- 5. Федоровская Н. А. Концепция «Музыки Ночи» в мюзикле Э. Л. Уэббера «Призрак оперы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (31). Ч. 1. С. 183-187.
- 6. Webber A. L., Hart Ch., Stilgoe R. The Phantom of the Opera (piano-vocal score). Parts I-II. N. Y.: RNH, 2010. 303 p.

APPEARANCE INFLUENCE ON FORMATION OF PROTAGONIST'S ARTISTIC IMAGE OF A. L. WEBBER'S MUSICAL "THE PHANTOM OF THE OPERA"

Fedorovskaya Natal'ya Aleksandrovna, Doctor in Art Criticism, Associate Professor
Far Eastern Federal University
fedorovska@mail.ru

The article is devoted to the study of the protagonist's artistic image of A. L. Webber's musical "The Phantom of the Opera". It is stated that the change in the appearance of the Phantom in comparison with the original source leads to the transformation of his artistic image as a whole and is aimed at the romantization of the character. The mask worn by the hero acts as the key element of his appearance, it has symbolic meaning and is actively manifested in stage action.

Key words and phrases: "The Phantom of the Opera"; musical; A. L. Webber; artistic image; mask.

УДК 128/129

Философские науки

В статье рассматриваются смерть и умирание с точки зрения языка, прежде всего, разговорного. Сделана попытка установить соответствие известных речевых схем, шаблонов, привычек различным поводам, в связи с которыми возникает необходимость что-то сказать о смерти. Утверждается, что всякая речь по поводу смерти и умирания обычно направлена либо на привлечение отдельного внимания к предмету высказывания, либо на отвлечение внимания. Соответствующие лексические единицы сгруппированы по целям и характеру их употребления. Показана инверсия словоупотребления, вызванная боязнью темы смерти, даны примеры языковых выражений.

Ключевые слова и фразы: смерть; умирание; язык; речь; лексическая единица; выражение; высказывание; умерший; живущий.

Федяй Денис Сергеевич, к. филос. н., доцент

Capamoвский государственный социально-экономический университет embryold@yahoo.com

МАСКИРОВКА И ДЕМАСКИРОВКА ТЕМЫ СМЕРТИ И УМИРАНИЯ СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА $^{\circ}$

Тема смерти и умирания, предсмертных состояний и посмертных изменений тела на протяжении последних двух десятилетий прочно заняла место в новостных и научных публикациях, в программах научно-практических конференций, в массе кинопродукции и художественной литературы. Во всех случаях автор излагаемого материала вынужден решать проблему выбора адекватного лексикона для решения следующих задач:

- а) точная передача сведений без искажений деталей (в случае их наличия) и общего смысла сообщения;
- б) учет возможных реакций реципиента (отвращение/восхищение, смех/страх, презрение/превознесение, возмущение/одобрение), обусловленных его психоэмоциональной конституцией. Реакции касаются предмета сообщения; побудительных причин и мотивов, способа и формы повествования; предположительных черт личности и специфики стиля автора; источника информации;
- в) выражение собственного отношения автора к излагаемому (описываемому) вне зависимости от степени осознания такого отношения. Эта задача признается здесь реальной на основе того, что само осознание

_

[©] Федяй Д. С., 2013

персонального отношения к предмету сообщения у автора нередко вырабатывается лишь в процессе говорения, но не присутствует в готовом виде изначально. Даже если (для отдельных случаев — особенно если) имеет место обыкновенный пересказ с чьих-то слов, дословный или приблизительный, он уже при однократном эпизоде побуждает самого рассказчика невольно погружаться в описываемую ситуацию, а значит, так или иначе отреагировать на неè (отнестись к ней) определèнным образом;

г) предотвращение преследования со стороны закона, особенно когда автор принимает решение использовать экспрессивную, заниженную или нецензурную лексику, способную каким-либо образом нарушить действующие юридические нормы в области печати и публичных выступлений.

При этом правовые документы не служат источниками примеров желательного, допустимого словоупотребления в обозначенном нами контексте, но лишь ограничивают возможности применения тех или иных слов и словесных конструкций. Кроме того, закон — далеко не всегда оперативный регулятор социальной и культурной приемлемости высказываний. Гораздо быстрее срабатывает реальное общественное мнение, особенно скорое на отзыв в условиях доступности интернет-общения. Само общество также несвободно от явного или скрытого воздействия неких авторитетов, чьи слова и манеры высказывания тиражируются повседневной речью. Это артисты, звèзды шоу-бизнеса, политики, религиозные и общественные деятели.

Просторечье весьма восприимчиво к удачным, с его точки зрения, словам и выражениям, откуда бы они ни исходили. «Удачность» здесь вполне может оказаться итогом неудачного по иным меркам словоупотребления. При этом за популярность в речи между собою конкурируют самые разные метафоры, эвфемизмы, неологизмы, оксюмороны, аббревиатуры, профессионализмы, вульгаризмы, окказионализмы. Все их функции представимы в виде двух основных: это или маскировка темы смерти, или еè демаскировка. Не исключено употребление специально подобранных слов попеременно то для одной цели, то для противоположной.

В языковой практике есть центры средоточия смыслов, относящихся к разным сторонам смерти и умирания. Для исследователя важно понимать, как эти смыслы отражаются средствами языка, и насколько устойчиво связываются с определенными словами или с вариантами/контекстами их употребления. Центры средоточия в повседневном языке представляют собой следующее.

- 1. Пословицы и поговорки, «крылатые» выражения, цитаты из текстов художественных произведений и кинофильмов, пьес, спектаклей; шутки, каламбуры и широко цитируемые фразы из юмористических шоу; самостоятельно выдуманные отдельными индивидами или профессиональными сообществами неологизмы (часто встречаются слова компьютерного сленга).
- 2. Поводы и обстоятельства, в связи с которыми употребляются те или иные слова. В иных случаях сама обстановка («атмосфера») словно направляет говорящего, так что ему не приходится мучительно подбирать нужные (нужные ли?) слова. Негласное правило для всякой речи по поводу смерти и умирания имеет два альтернативных варианта: с одной стороны, «надо что-то сказать», с другой «не надо ничего говорить». Траурные слова меньше всего призваны отразить начитанность и красноречие говорящего. Они обычно просты, коротки, сдержанны, если только не рассматривать причитания как фольклорный жанр. Причитания не заучиваются всеми подряд специально для того, чтобы их декламировать хорошо поставленным голосом и с должным эмоциональным вовлечением, так как случай смерти это не торжественный утренник. Но, как образцы народного фольклора, причитания и скорбные песнопения систематически воспроизводятся в культурах. Их и «исполняют» в случаях траура специальные люди, подобно тому как во время торжеств исполняют гимны и марши.
- 3. Жесты, мимика, интонации спонтанно или специально произносимых звуков (кряхтение, пыхтение, сопение, шумные вздохи, покашливание и прочие не достигающие лексической однозначности речевые эпифеномены), позы-заменители слов, которых по каким-то причинам говорить не желают либо попросту не могут. Этот язык менее понятен, чем обыкновенный, но не менее выразителен и актуален. Если такое дальнейшее то ли молчание, то ли говорение становится невыносимым для субъекта, напряженность частично сглаживается горестно-сострадательным произнесением слова «да».
- 4. Классические незавершенные фразы, указывающие на то, о чем у говорящего нет сил или желания высказаться прямо и непосредственно («ходил, ходил, да и…», «ну вот теперь…», «ведь ясно же сразу было, что…», «а предупреждали!…»). С этих фраз возобновить именно речевое общение (а не обмен жестами и выражениями лиц) иногда легче, чем с полного молчания.

Формально множество слов, выражений, конкретных уникальных примеров словоупотребления вполне укладывается в предлагаемую схему.

А) Стирающая границу между жизнью и смертью субъекта метафора пути превосходно отражает всю эмпирическую полноту пространства и времени. Метафора категорически приравнивает жизнь к пути, который однажды начат, какое-то время продолжается и в определенной точке прекратится. Путь описывается вполне физическими признаками: свободный / с препятствиями, долгий/короткий, с простой/сложной траекторией, восходящий/нисходящий, отдельный/общий.

Для религиозного сознания прекращение пути в материальном мире не окончательное и означает продолжение движения субъекта в особом пространстве, так что персональное время длится неопределенно долго. Иррациональные индикаторы пути: увлекательный/скучный, страшный/смешной, веселый/грустный и т.п. Эти индикаторы часто подвергаются со стороны самого субъекта и окружающих его лиц тщательной и последовательной логической обработке, чтобы с ее помощью пытаться управлять в первом случае собственным движением, во втором — движением посторонних людей.

Вместо понятия пути (но с теми же, что и у него, функциональными резервами) широко используются метафоры реки (течения), полèта, горения, песни. Песня, в отличие от предыдущих метафор, не соотносится ни с одной из первостихий, представляя специфически культурную форму движения индивидуального бытия. Ничто, правда, не мешает петь песню по ходу пути, полèта, заплыва или даже в процессе иносказательно понятого горения (выражение «зажигательная песня» тому пример).

Метафоры войны, каторги, учения как процесса приобретения знаний, игры, балаганной подделкипародии на некий идеальный образ идеальной жизни представляют снижение степени серьезности отношения к жизни. Меняется и представление о самой смерти, которая становится соответственно результатом участия в бою (1) или прекращением непосильных мучений (2); подведением итогов учения, экзаменом (3); окончанием игры (4); избавлением от фальши и снятием всех масок (5).

Метафора дара имеет существенное значение, прежде всего, для религиозного сознания. При этом получение дара часто одновременно служит испытанием для одаряемого: процесс жизнедеятельности отражает отношение к дарящему, в качестве которого выступает божество. Пренебрежение полученным даром, то есть непочтительное или неблагодарное отношение живущего к божеству, однажды приводит к утрате дара, к смерти. Вина за такую смерть возлагается на самого умершего: как в обычной жизни небрежное обращение с каким-то сокровищем заканчивается потерей сокровища, так и в духовной – забвение происхождения (источника) жизни разрушает еè. Этот исход также способен получить иное толкование: божество, карающее смертью за пренебрежение даром, забирает этот дар обратно, поскольку одаряемый оказался недостойным его. В христианстве умирающий уходит «встречаться с Отцом небесным», ведь пообщаться с Творцом по поводу жизни-дара можно лишь при личной встрече. И уходит опять же неким тайным *путем*, закрытым для остающихся в живых.

- Б) Сравнение умирания и смерти с каким-то прижизненным действием или явлением в своей основе метафоричны. С одной стороны, сравнения иносказательны, с другой настолько узнаваемы и отчетливы, что ими пользуются столь же осторожно, как и словами, напрямую означающими умирание и смерть. Так, у В. И. Даля в сборнике пословиц находим: «Умирать не лапти ковырять (*m.e. не мудрено*): лет под образа, да выпучил глаза, и дело с концом» [3, с. 226]; но выпучить глаза можно многократно даже на протяжении одного дня, тем более всей жизни, и только упоминание про иконы («образа») не позволяет истолковать фразу как-то еще.
- В) Персонификация смерти способ хотя бы попытаться вступить в беседу с обезличенным процессом, диалог исключительно человеческий, в котором можно смотреть в глаза собеседнику. Видят обычно смертельного врага, смертельную опасность, но не саму смерть. Персонификация отражает морфологические признаки («костлявая»), подобие профессиональной деятельности («старуха с косой»), принадлежность к потустороннему миру («темный ангел»). Получится из этой попытки диалог или нет заранее неизвестно. На что похоже такое необычное общение, как его вообще себе представить можно судить по высказываниям следующей группы Г.
- Г) Высказывания, указывающие на специфическую коммуникацию умирающего с различными силами, объектами, существами, в том числе фантастическими (сказочными). Акцент делается на обмен смыслами, воздействиями, несмотря на то что он осуществляется не более одного раза, называемого последним, и то в особом порядке. Умирающий отдает кому-то (чему-то) свою жизнь, получая взамен смерть, на том вся коммуникация и завершается. И все же она проживается, происходит как последняя встреча в земной жизни, дающая возможность сказать важные слова кому-то помимо самого себя, сделать искренний или фальшиво-притворный жест.
- Д) Описания, констатации, определения как процесса, к смерти приводящего, так и самого умирания, а также последствия-результата (то есть появления мертвого тела или исчезновения живого существа в зависимости от расставленных в речи смысловых акцентов) с самых различных точек зрения. Точки зрения представляют природные, общие и специальные, чрезвычайные стороны, с которых осуществляется фиксация в языке самого события (явления, объекта) и иногда приводится некая оценка зафиксированного (количественная или качественная: «умереть естественной/насильственной смертью», «упасть замертво» / «обратиться в пыль»). Количественная оценка не всегда дается в прямом виде, с указанием числовых значений. Так, выражение «закончить свои дни» указывает на то, что эти дни поддаются исчислению, и один из них в общей череде последний. Однако понятие о последнем дне жизни на практике никогда не ограничивается лишь данным количественным смыслом. Исполняемое на торжествах песнопение «Многая лета» хорошо согласуется с восточным пожеланием «Да продлятся твои дни!», оба выражения по смыслу тождественны предполагаемому отдалению последнего дня во времени.

Специфическая лексико-семантическая инверсия, в результате которой повседневные слова начинают обозначать смерть и умирание, а весьма ограниченный набор непосредственно относящихся к данной области бытия (небытия?) слов (смерть, умирать, смертельный, мертвый, убитый) в различных синтаксических сочетаниях образует большое число смыслов для выражения привычных весьма жизненных обстоятельств. Современные американцы избегают прямых высказываний о смерти, обращаясь к «...эвфемизмам – "мягким", непрямым или размытым терминам, к слэнгу, так как эти слова звучат менее резко, грубо или обидно. <...> Напротив, термины и выражения со словами "смерть", "умирание" и "убийство" находят путь в нормальные высказывания как часть вернакуляра (повседневной речи), становятся частью стандартного языка». Такое словоупотребление «часто усиливает слово, делает специфическую фразу кажущейся сильнее или

помогает провести (*to convey*; зд. важно, что в речи «проводятся» не только мысли и соображения, но и нерациональные реакции субъекта – *прим. автора*, Д. С.) более глубокую эмоцию или чувство» [10].

В повседневной русской речи уже привычны как давно укоренѐнные выражения «связанного со смертью языка» (death-related language) – «мертвецки пьян», «смертельно устал», «испугался до смерти», так и отражающие технический прогресс – «мертвые батарейки». А выражение «убийство на дороге» (road kill), напротив, демаскирует смерть, в очередной раз напоминая, что дорога – это не только романтические путешествия и водители-удальцы, но и источник серьезных опасностей, вплоть до смертельных. «Одни лишь» грамотно употребляемые слова, на наш взгляд, способны отрезвляюще действовать на молодых водителейлихачей, небрежных пешеходов, беспечных владельцев выведенных на прогулку домашних животных. В этом состоит воспитательное и нормативно-ценностное значение данных слов.

В заключение отметим, что включение вещей в язык, говорящих о смерти (language about death), является неотъемлемой частью процессов маскировки и демаскировки смерти и умирания. Вещи либо воспринимаются субъектом как столь же полноправные самостоятельные субъекты, способные что-то «говорить», сообщать, либо выступают «заместителями» чьих-то слов. Именно вещи порой создают «гнетущую», «унылую», «зловещую» обстановку либо вызывают «тихую радость», «светлую печаль», «умиротворение». Вещи становятся действенными средствами разговорного языка, особенно если отнестись к ним с должным вниманием, осторожным или доверчивым.

Список литературы

- **1. Андреева А. В., Феньвеш Т. А.** Смерть как социальный феномен [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_1-2_07.pdf (дата обращения: 04.10.2013).
- 2. **Балашова Л. В.** Смерть как сакральный феномен (на материале русской идиоматики) // Эрос и Танатос как универсумы бытия: межвузовский сборник научных трудов / сост. В. П. Крючков. Саратов: ИП Баженов, 2009. 106 с.
- **3.** Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х т. / вступ. слово М. Шолохова, худож. Г. Клодт. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 383 с.
- Кленина Е. А., Песков А. Е. Отношение к смерти в системе социокультурных объективаций [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.net/articles/issn 1997-292X 2013 4-1 22.pdf (дата обращения: 04.10.2013).
- 5. Лисицина Т. А. Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия [Электронный ресурс] // Фигуры Танатоса: философский альманах. СПб., 1995. Пятый спец. выпуск. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/lisiz/tanatos5.html (дата обращения: 04.10.2013).
- **6. Минькова Н. В.** Персонификация смерти как тактика борьбы с врагом [Электронный ресурс] // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. І. С. 38-39. URL: http://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2010_2-1_13.pdf (дата обращения: 04.10.2013).
- 7. **Поварницын** С. А. О причинах эволюции восприятия смерти [Электронный ресурс]. URL: http://credonew.ru/content/view/816/61/ (дата обращения: 04.10.2013).
- 8. Тетерина Ю. Ф. Общение в рамках обиходно-бытового дискурса через призму концепта «смерть» [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/obschenie-v-ramkah-obihodno-bytovogo-diskursa-cherez-prizmu-kontsepta-smert (дата обращения: 04.10.2013).
- Устюгов В. А. Почему мы боимся смерти? [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_2-1_49.pdf (дата обращения: 04.10.2013).
- **10. Death & Dying in Everyday Language** [Электронный ресурс]. URL: http://dying.about.com/od/deathlanguage/a/deathlanguage.htm (дата обращения: 29.07.2013).

MASKING AND UNMASKING OF DEATH AND DYING THEME BY MEANS OF LANGUAGE

Fedyai Denis Sergeevich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor Saratov State Social-Economic University embryold@yahoo.com

Death and dying are considered in the article mainly from the point of view of colloquial language. The attempt is made to set correspondence between widely known schemes, patterns, habits of speech and various occasions, due to which necessity to say something about death appears. It is asserted that any speech about death and dying ordinarily tends either to the attraction or distraction of particular attention to the subject of the utterance. Relevant lexical units are grouped by the aims and peculiarity of their usage. The inversion of word usage caused by the fear of death theme is shown, and the examples of related speech expressions are given.

Key word and phrases: death; dying; language; speech; lexical unit; expression; utterance; dead; living.